

Поклон Поклену

Больше, все о я люблю театр. Но волею судьбы занимаюсь экономикой, служу или сижу в газете с финансовым и деловым уклоном. И оттого, когда в брешь по утрам на меня из зеркала смотрит улыбающийся Шевардадзе, ну просто трагическая масса...

И вот однажды воскресным утром мне позвонил знакомый режиссер Валерий Иванович Якунин. «Приходи в театр, — сказал он, — Посмотришь репетицию». И я уже в пути на Пятницкую улицу, где обосновался Якунин со своей труппой. Правда, название — Камерный театр (если подразумевать сценическое помещение) — звучит излишне громко. Но в смысле содержания искусства, уверяю вас, все в порядке: там есть и жизнь человеческого духа, и творческое братство, и труд до седьмого пота.

Отыскать служителей Мельпомены не слишком трудно, все они расположились под крылом памятника XVIII века, церкви Иоанна Предтечи под бором. А ведет к ним на второй этаж, в кабинет директора и репетиционный зал, крутая лестница в двадцать ступеней. Ровно столько ступеней в познании театра пройдено Якуниным (и мною) за последние двадцать лет.

Заходя, распахивает дверь человек, отчасти похожий на Иоанна Предтечу.

Жизнь Валерия Ивановича соткана из одних только парадоксов. Начать с того, что он не знает, когда родился, кто его родители по крови и, естественно, кто он сам по национальности. Знает только, что в феврале 1945 года его мама была беременна, ее сбilo машиной, а болельщик она родила мальчика, попросила назвать Валерием и умерла. А еще через год добрая русская семья забрала малыша из приюта и дала ему свою фамилию: Якунин.

Отец Валерия Ивановича был бригад-майором (пожарником), дружил с Лемешевым, любил петь и играть в духовом оркестре. Представляю себе зрелище: Иван Якунин на большой праздник, помоясь в храме, выпил стопку водки, выходя на улицу в надрывной медной каске, с медным змей-горнычником через плечо. Такие вот парадоксы, такой вот театр... Хочешь-не хочешь, а становишься режиссером...

Прощаясь через двадцать ступеней, я всерьез уверяю друга, что здесь, в этом здании, ему помогает Иоанн Предтеча. Когда Валерий Якунин пришел сюда работать, актеры перестали покидать Камерный театр (бывший Первый областной). Его приглашали на разные постановки в другие труппы, звали быть оче-

редником. Но, видно, что-то притягательное было в близости святого, крестившего Спасителя. В якунинском театре на первом месте психология; здесь все, каждый нюанс пьесы, пропускается через себя. Режиссер нередко останавливает репетицию («не спешите, вникайте»), ищет и находит нужный камертон для сцены.

И дальше обобщение:

— Во времена, когда писал Мольер, люди были простодушнее. Играть было легче. Сегодня зритель умнее, скажем точнее, больше знает. Зрители, к примеру, заранее знают, что Скапен всех обманывает. Теперь они должны увидеть загадку в другом персонаже — Арганте (Шутов). Если ты играешь обман со Скапеном, ты обречен. Сегодня все уже объяснено. Ты должен начать более сложную игру. Пусть первый план уйдет, растворится. Тогда станет интереснее: у тебя сцены не жопные, когда быют по соответствующему месту, а интеллигентные. Пусть Скапен уйдет на второй план. Тяни одеяло целиком на себя.

— Комедия «Плутни Скапена», написанная сыном королевского обойщика Поклена (то есть Мольером), несколько заплескалась, — говорит сын бригад-майора, — Конеч первого акта, сцену у бочки, где речь заходит о женитьбе, надо бы проветрить.

И вот все закурилось и пошелось, а казавшиеся излишне почтенными актеры разом сбросили по тридцать лет. Сейчас актеры почти юности, влюбленные в магию и чародейство театра. А самый молодой (так оно и есть) из них совершенно лысый, зато обросший роскошной бородой 48-летний режиссер. Вместе с актерами он попеременно играет то рассудительного отца семейства Арганта, то хитроумного плута Скапена. Он вскакивает на бочку и кричит: «О, безрассудство молодости!»

После репетиции мы отдыхаем в директорском кабинете и наблюдаем, как сначала закипа-

ет, а потом настаивается ароматный цейлонский чай. К нам заходят актеры, чтобы уточнить одному только режиссеру ведомые подробности ролей: из пошлого цеха приносят костюмы для нового спектакля; кладут на стол директора умопомрачительные счета, из-за которых тот хватается за сердце.

— Следующая премьера, — говорит Валерий Иванович, — по пьесе Булгакова о Мольере «Кабела святош» («La cabale» — на нашей афише). Декорации к спектаклю стоят 4 миллиона рублей, костюмы — 3 миллиона.

В эту минуту Якунин-режиссер ненавидит Якунина-директора за его расточительность, а Якунин-режиссер презирает Якунина-директора за его скверность.

— Удивительная по ритмике пьеса, — сказал мне однажды Юрский. Сказал и вскоре сломал ключицу, делая культб в роли Мольера. Ключица у Юрского давно срослась, но теперь я трещаю за Якунина.

Сам же постановщик, оторвавшись от чая, показывает мне декорацию спектакля о Мольере. Она представляет собой три огромных тяжелых пресса. Механизмы театра, власти, семьи. Зубатые колеса отовсюду видны зрителям.

— Сегодня я стремлюсь очистить пьесу, — говорит Якунин, — от искусственной театральности. Я отказываюсь от аналогов, от исторических аналогов; и даже стараюсь остановить время, чтобы булгаковская драма работала на все времена, а значит, и на наше время.

Давно известно, театр — как

бы вторая наша жизнь. Есть определенная группа лиц, для которых иллюзорная жизнь на сцене важнее первой, действительной и реальной. Важнее — оттого, что она идеальнее. Якунин сочувствует таким художникам. И понимает, отчего умер Мольер: от невозможности жить без иллюзий.

На столе у Валерия Ивановича я увидел большой медный колокол со словами: «Мастер Алексей Чистюшкин, отлит в 1858». Подарил его друзья по сцене в Калужском драмтеатре в день отъезда в Москву, со словами: теперь ты стал эмигрантом.

Как случилось, что режиссер, влюбленный в русскую классику, долгое время ставил в основном западных авторов, он и сам толком объяснить не может. («Наверное, оттого, что главный режиссер в Калуге русскими авторами увлекался сам»).

— Через Гоголя я естественным образом пришел к Булгакову, — объясняет мне Валерий Иванович. — А теперь мечтаю о «Бесприданнице» Островского и о «Мертвых душах» того же Гоголя. Кого из живущих рядом соотечественников хотел бы поставить? Пожалуй, никого. Правда, мне ужасно нравится Люся Петрушевская.

Якунин — немножко староват, немножко традиционалист. От современных драматургов и режиссеров держится в стороне. И только в актерском окружении Валерий Иванович испытывает истинную влюбленность.

— У меня в театре нет ни одного человека, которого бы мне

было нерадостно увидеть! весь Камерный театр живет и работает с этим ощущением. Есть такая высшая радость и свет: быть среди своих по душе людей.

— Ну а кто, Валерий Иванович, — спрашиваю, — нравится тебе из коллег по режиссерскому цеху?

— Мой педагог, у которого учился в Институте культуры, — Ефим Табачников. Я хотел бы побывать у него в гостях в Нижнем Новгороде, да все как-то некогда. Самый любимый и ушедший — конечно, Анатолий Эфрос. Он для меня идеал мастера. Может быть, недостижимый.

Я думаю о том, что лет двадцать назад познакомился с Виктором и Фоминко. Моя влюбленность в театр — это влюбленность в них. Но тогда, два десятилетия назад, они еще не имели всеобщего признания. Теперь стали по-своему недостижимыми. А как сложится дальнейшая судьба Якунина? Может быть, еще счастливей. Если учесть, что ему помогает сам Иоанн Предтеча.

Уходя из Камерного театра, чутким ухом слышу, как по его залам лаской, надвояющей проступью прошелся Иоанн Предтеча.

В эти дни сын московского бригад-майора Якунин посылает через века поклон сыну парижского обойщика Поклена.

В. КЛИМЕНКО.

На снимках: В. Якунин на репетиции.

Фото В. ГОРДЕЕВА.

